

ее послесловия оказывается под сомнением, М. Н. Сперанский оговаривает, что „и у Искандера было послесловие“ и „составитель повести мог просто перенести его целиком к себе“. К сожалению, это положение в статье М. Н. Сперанского остается неаргументированным. В решении вопроса о первой части „Истории“, — о так называемом сказании о построении Царьграда Константином Великим, — М. Н. Сперанский проявляет большие колебания. С одной стороны, он считает, что сказание — самостоятельное, отдельно существовавшее произведение и что „составитель (или редактор?) повести органически связал повесть о падении Царьграда со сказанием“. С другой стороны, он делает предположение, что „составитель повести был в то же время автором или по крайней мере редактором и сказания“. Причем, это последнее положение доказывается тем, что сказание и повесть „в комплексах и в отдельном виде встречаются вместе и вместе вошли в Хронограф“. Статья М. Н. Сперанского так и не дает прямого положительного или отрицательного ответа на вопрос об исконности соединения первой и второй частей „Истории“. Совсем уже непонятно, что дает основание М. Н. Сперанскому считать „вставкой“ ссылку автора „Истории“ на „Видения Даниила“ и „прибавлением“ — заключение „Истории“. Во всяком случае в статье никаких доказательств этого положения нет.

В самое последнее время вопрос о составе „Истории“ Нестора Искандера вновь поставлен в статье Н. А. Смирнова „Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г.“. Н. А. Смирнов идет еще дальше Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанского в „выявлении возможных наслоений и дополнений“ в „Истории“. По его мнению, в ней „чисто механическим путем объединены разные сказания: они органически не связаны между собою и не могут быть приписаны одному Нестору Искандеру“. Стремясь определить, что же в „Истории“ принадлежит самому Нестору Искандеру, Н. А. Смирнов утверждает: „Ему безусловно принадлежит хроника осады Константинополя турками, ему же принадлежат некоторые сведения о положении в осажденном городе и, конечно, описание борьбы греков с турками, ворвавшимися 29 мая 1453 г. в самый город. Все остальные части «Повести», начиная с первой, посвященной истории основания Константинополя, равно как и встречающееся в некоторых вариантах перечисление византийских императоров, наконец, молитвы, произносившиеся греками в дни осады, рассказы о видениях, равно как и предсказания о судьбе Константинополя, приведенные в конце «Повести», и многие другие вставки, конечно, ничего общего с первоначальным содержанием «Повести» Нестора Искандера не имеют“.¹

Встретив столь категорическое решение вопроса о составе „Истории“ Нестора Искандера, читатель вправе ожидать развернутой аргументации его. Но этой аргументации в статье Н. А. Смирнова нет. Правда, Н. А. Смирнов пытается обосновать отдельные свои положения. Так, например, по его мнению, как легенда о змее и орле, так и предсказание о том, что „русии же род измаилита победит и Седмоходмого примут“, являются позднейшими вставками и перу Нестора Искандера не принадлежат, так как они „могли возникнуть только

¹ Н. А. Смирнов. Историческое значение русской „Повести“ Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. Византийский временник, Изд. АН СССР, М., 1953, т. VII, стр. 55—56.